

ПЕРСОНЫ
ДИНАСТИИ

ФЕДОР ЧЕЛНОКОВ

ЭМИГРАНТСКИЕ

ТЕТРАДИ:

Исход

Колibri

МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ЧЗ8

Дизайн обложки *Светланы Осиповой*

Челноков, Федор

ЧЗ8 Эмигрантские тетради : Исход / Федор Челноков. — Москва : Колибри : Азбука-Аттикус, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-389-27917-9

В настоящем издании впервые публикуется рукопись Федора Васильевича Челнокова (1866–1926) — потомственного промышленника и почетного гражданина Москвы, — написанная им в эмиграции в 1919–1926 гг. «Эмигрантские тетради», первая часть рукописи, описывают драматические события 1919 года: вторжение Красной армии на территорию Крыма приводит к Крымской эвакуации — массовому исходу населения и войск Белой армии и Антанты.

Вместе с братом, Михаилом Васильевичем Челноковым — бывшим городским главой Москвы, лидером кадетов — и большой группой известных представителей дворянства и буржуазии автор покидает Россию на британском судне и попадает в Сербию, только что отвоевавшую свою независимость. В составе русской делегации братья Челноковы посещают Боснию и Герцеговину. Через разрушенную в Первой мировой войне Болгарию автор возвращается в Ялту, чтобы вскоре покинуть Родину навсегда, о чем повествует вторая часть рукописи.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-389-27917-9

© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2025
Колибри®

Дмитрий Новиков

Рукопись Федора Челнокова

У этой рукописи необычная судьба. Даже в том, как она стала вновь доступна через сто лет, есть некая случайность. Ведь свидетельство противостоит безликим силам истории, его голос возвращает прошлому нечто сокровенное, идущее сквозь время, — рассказ очевидца. Его обретение выглядит как исторический роман, где рукопись наконец дошла до адресата. У этого романа множество поворотных моментов, без которых эта книга не стала бы возможной. Первый раз открыв файл с рукописью на высоте 11 тыс. метров в самолете, который летел из Парижа в Москву, я испытал чувство человека, который вдруг соприкоснулся с жизнью давно ушедшей, но говорящей со мной так, как будто все происходило снова и сейчас. Такова была эмоциональная сила текста, обращенного к неизвестному мне адресату, что дистанция, отделяющая от прошлого, исчезла, и у меня возникло пробирающее до дрожи ощущение, что я первый, кто через сто лет, на высоте одиннадцати километров читает это письмо, постепенно переходящее в дневник. На первой его странице значилось: «1919 г. 29 июля нового стиля, Белград». В этом состоит особенность рукописи, относящейся к тому жанру дневников, где желание автора рассказывать о происходящем приподнимает его над временем, превращая личную историю в свидетельство об эпохе.

Еще в самолете, не зная, кому было адресовано это письмо-дневник, не предвидя его ценности как документа о периоде «исхода», последовав-

шего за революцией и приходом большевиков в Крым и Одессу, я ощутил прикосновение истории — чувство, которое до сих пор полагал литературным изобретением. Мне стало понятно, что рукопись будет опубликована, хотя в тот момент я с трудом лишь продирался через незнакомый почерк. Читая дневник, я постепенно погружался в чужую жизнь, пытаюсь увидеть, перенести его в знакомые мне обстоятельства, представить его себе нашим современником или, наоборот, самому перенестись в прошлое. Казалось бы, не так много лет прошло и писал он на русском языке, но все же это был другой язык, за которым стоял другой мир. Не так ли устроена всякая память — и историческая память в частности? Мог ли предполагать автор дневника, что его будут читать как историческое свидетельство? Читал ли кто-нибудь эти строки до меня или прошло сто лет, прежде чем послание дошло? Примерно такие мысли были у меня, пока, поглядывая в иллюминатор, я медленно продвигался по рукописи, угадывая слова, ощущая себя путником, провалившимся в катакомбы, где на него уставились глаза людей, нарисованные на стенах.

Что мне было на тот момент известно об авторе текста? Федор Васильевич Челноков (1866, Москва — 1926, Берлин), потомственный почетный гражданин Москвы, промышленник, был прадедом родившейся и живущей в Париже Наташи Никулиной-Бахрушиной. Она и передала мне рукопись. Встреча с Наташей оказалась поворотным пунктом исторического детектива, продолжением которого была лежащая на самолетном столике рукопись. Это случилось так. Как-то Сергей Митурич, директор издательства «Три квадрата», посетовал, что сейчас, когда они готовят публикацию международного академического труда по Русско-японской войне, сложно подобрать фотографии с российской стороны фронта. Я сказал: «Что за проблема? У меня же они есть». Я имел в виду большую тумбу со стеклами, которая всегда, сколько я себя помню, стояла в дальнем темном углу. В ней хранились фотографии моего прадеда Сергея Васильевича Челнокова (1861, Москва — 1924, Копенгаген), про которого я лишь знал, что он эмигрировал после революции и умер в Дании.

Фотографии на стекле в стереоскопическом формате рассматривать нужно через специальный прибор — стереоскоп. В нем они становятся объемными, в чем и состоит волшебство и тайна. В детстве я рассматривал их: там были снежные горы, водопады, парусники, дети, играющие на улицах незнакомых городов, там застыли причудливые экипажи, франты и дамы в костюмах не нашего времени. По остановившемуся, безмолвному миру, напоминавшему фантастику Герберта Уэллса, путешествовать можно было

долго, пока не уставали глаза, хотя путеводителя по прошлому не прилагалось. Дело в том, что на фотографиях редко где были подписи, а если и были, они указывали либо время, либо место: «Рим», «Мытищи», «Порт-Артур», так, будто все остальное само собой понятно. Посмотрев новыми глазами на эти фотографии, я впервые удивился тому, что никогда не пытался узнать что-то об этих фотографиях, что мне ничего не известно о прадеде-фотографе, что не осталось никаких записей: ни дневника автора, ни писем, ни документов. Как могло случиться, что от прошлого остались только изображения? Удивительным, всегда думал я, было лишь другое время, где пешеход, идущий вдоль Собора Св. Петра, не коснется башмаком брусчатки и где ребенок, играющий в чехарду, так и будет вечно висеть в воздухе. Да, там все было как в перевернутой подзорной трубе, и лишь магический аппарат оживлял стекла.

После разговора в издательстве я задумался о том, почему молчит время. Молчание в семье о прошлом было частью негласного контракта, который делал жизнь нормальной, исключая то, было опасно. Но и сама опасность была тоже скрыта молчанием. Лишь позже, изучая прошлое семьи, я узнал, что брат моей бабки Наталии Челноковой, дочери фотографа, погиб в лагерях в 1944 году. За исчезнувшими дневниками, уничтоженными письмами действительно стоял тектонический сдвиг, затронувший «связующую нить времен». Тот разговор с Сергеем Митуричем заставил меня посмотреть на эти фотографии иначе: кто он, фотограф? Что я знаю о нем, его семье, его жизни?

Для нашего рассказа важен именно фотографический след, который приведет нас к обнаружению рукописи Федора Челнокова. Фотографии, будучи вытащены из тумбы в углу комнаты и представлены публике, открылись в новом качестве: это были очень выразительные работы, за которыми угадывалась фигура неординарного, мыслящего мастера. И действительно, вскоре обнаружилось, что Сергей Челноков был членом Московского художественно-фотографического общества, входил в его правления и жюри, а также был лауреатом дореволюционных фотографических выставок. Фотографии С. Челнокова производили впечатление на всех, кто их видел, и вскоре, в 2015 году в Музее Москвы состоялась большая выставка «Сергей Челноков. Открытие коллекции». На выставке среди семейных фотографий оказался небольшой снимок, на котором была запечатлена девочка с куклой. Такая же фотография обнаружилась на комодке в парижской квартире Наташи Бахрушиной-Никулиной, правнучки Федора Челнокова. Федор и Сергей Челноков были родными братьями, оба эмигрировали после революции, однако, если дочь Федора Лидия (1897, Москва — 1978, Париж), девочка с куклой, осталась

в Берлине, а затем перебралась в Париж, то дочь Сергея Наталия после смерти отца в Копенгагене в 1924 году возвращается вместе с матерью в советскую Россию. Благодаря фотографиям Сергея Челнокова, которые оказались хранителями прошлого, стоило вытащить их из зоны молчания, стал доступен еще один фрагмент памяти — на этот раз письменной.

Тогда, в самолете я спросил себя: как происходит, что в истории нечто оказывается утаенным, а потом выходит на свет? Как из этой вечной игры видимого и утаиваемого складывается время истории, с которым мы имеем дело? Вынырнув из ниоткуда, фотографии и тексты начинают говорить сильнее, проникновеннее, за ними едва различимым шумом обозначает себя коллективный опыт целого века. Так устроена история дневников и фотографий: через них мы прикасаемся к общему опыту, где история эмигранта-фотографа Сергея Челнокова и история эмигранта-мемуариста Федора Челнокова оказываются лишь эпизодами в огромной общей истории России, пережившей в XX веке небывалые потрясения. Отсюда эффект чудесного выживания, который сопровождает восприятие этих документов. Ведь в том, как фотоархив Сергея Челнокова

Федор Васильевич Челноков, 1922 г., Ялта

уцелел после революции в подвале дома в Чистом переулке, в том, как хрупкие стекла бережно сохранялись при переезде из одной коммуналки в другую, уже есть типическое для эпохи, когда все письменные семейные документы по соображениям безопасности уничтожались. И точно так же есть нечто типическое в том, как благодаря сохраненным фотографиям через сто лет в Париже обнаруживается рукопись другого русского эмигранта, который писал в Берлине, без надежды, что его рукопись когда-либо будет опубликована на родине. Слова о «небывалом бедствии, постигшем Россию», которые мы встречаем на первой странице «Исхода», все эти белые пятна и стертые прошлые помогают понять ту драматическую ситуацию, в которой Федор Челноков ведет свой дневник эмигрантских скитаний, а затем, живя в гостинице в Берлине, пишет, пытаясь рассказать для кого-то в будущем о жизни, которой уже никогда не будет.

Именно этот мотив свидетельства для неких неведомых потомков и стал мне открываться как ведущий, по мере того как я знакомился с текстом Федора Васильевича. Вполне возможно, что этот мотив и был тем, что связывало его с жизнью до поры до времени, поскольку, подобравшись в воспоминаниях к тому дню, в котором он писал, Федор Челноков сводит счеты

Лидия Федоровна Челнокова, дочь автора рукописи Федора Челнокова

с жизнью. Сам этот факт заставляет относиться к рукописи иначе — как к некоему предсмертному слову, в котором говорящий хочет сказать самое главное. И действительно, драматические обстоятельства отразились и на самой рукописи, и на ее судьбе: часть дневника Федора, описывающего повторный исход из России, оказалась утрачена еще в Сербии, а часть воспоминаний, написанных уже в Берлине, была уничтожена дочерью Федора Лидией. Почему? За этим жестом смятения девушки, оставшейся без средств к существованию в чужой стране после самоубийства отца, стоит слишком много, чтобы мы могли об этом здесь рассказать, он лишь позволяет догадаться о той пропасти отчаяния, на краю которой писались воспоминания, и о тех невысказанных в тексте мыслях, которые автор унес в могилу. Вот эта, ненаписанная драма жизни, оставила свой след на рукописи, изъяв из нее неизвестную нам часть. Что было в ней? Почему именно она вызвала такую реакцию «девочки с куклой»? Возможно, там было нечто, с чем дочь была категорически не согласна? Отразился ли в этом ее конфликт с отцом? Или там был текст, как-то объясняющий его самоубийство?

На рукопись падает и отсвет последовавших времен — это повороты судьбы, позволившие ей сохраниться. Ведь Лидия Челнокова полагала, что отец ее предал, оставив одну, однако она все же решила сберечь его текст, понимая, что он уже принадлежит не только ее семье. Возможно, теми же чувствами сохранения «связующей нити» руководствовалась ее двоюродная сестра — Наталия Челнокова, когда в ноябре 1917 перетащила хрупкий фотоархив отца в подвал дома напротив и затем не дала ему погибнуть при переездах.

Из наших разысканий в итоге сложилась такая картина. Вот Федор, Сергей, Михаил и Василий Челноковы — четыре брата, потомственные почетные граждане Москвы, принадлежащие к купеческому семейству, обосновавшемуся в городе еще в середине XVIII века. Вот их дед, он заложил в Мытищах кирпичный завод, и благодаря закупленным передовым технологиям кирпичное производство Челноковых стало одним из самых востребованных: из кирпичей с клеймом «Челноков» построено здание МХТ, северное крыло Политехнического музея, здание Московской думы (ныне музей Отечественной войны 1812 г.) отстроена почти вся Остоженка. Клейма «Челноков и Шапошников» встречаются на Пречистенке и в районе Чистых прудов, их можно увидеть в подвале дома 24 по Мясницкой в ресторане «Петрович», если взглянуть в слегка потемневшие кирпичные своды подвала. Челноковы состояли в родстве с многими известными московскими купеческими династиями: Третьяковыми, Бахрушиными, Боткиными, Алексеевыми, Ильиными.

Это тот исчезнувший мир, о котором рассказывает Федор, начиная воспоминания с детства, где его повествование вписывается в жанр автобиографии. Сцена всей предшествующей московской жизни абсолютно необходима для понимания дневников «Исхода». Становится понятным, почему автор оказался вместе со своим братом Михаилом (1863, Москва — 1935, Панчево, Сербия) на борту парохода, стоящего на рейде в Одессе, «где, по слухам, творятся всякие безобразия». Проясняется общая тональность, в которой он пишет.

Дневник «Исхода», в котором герои сразу оказываются во власти судьбы, начинается с описания противостояния в распоясавшейся на набережной Одессы толпе, с сопротивления анонимным силам истории. Но что же, Федор Челноков до этого момента почти ничего не знал о политической ситуации в России? И здесь мы подходим к особенности его текста-воспоминания: он не только был хорошо о ней осведомлен, но семейство Челноковых было активно вовлечено в политическую жизнь страны. Михаил Челноков — последний московский городской глава, лидер партии кадетов в Думе, а после ноябрьского переворота — участник подпольной организации сопротивления «Правый центр». Брат Сергей, фотограф — гласный московской Думы от партии кадетов. В декабре 1916 Михаил входил в одну из групп либеральной оппозиции, готовившей отстранение царя. И вот, находясь вместе с Михаилом

*Слева — Михаил Васильевич Челноков,
справа — Федор Васильевич Челноков, 1922 г., Ялта*

на борту парохода в Одессе, он опять избегает любого содержательного разговора о политике, словно он исключительно честный человек и все политические фигуры, с которыми встретится их делегация, — от барона Врангеля до одного из рода Рюриковичей, — будут интересны для него лишь как характеры. Этот любознательный, умный взгляд, который будет нас сопровождать на протяжении всех страниц дневника, превращает описание балканских скитаний Федора и Михаила в непринужденный, местами ироничный рассказ об одном из драматичных эпизодов истории Белого движения. Свидетельство Федора Челнокова тем более ценно, что он, казалось бы, стремится держаться позиции стороннего наблюдателя. И здесь нам не стоит удивляться тому, что некоторые портреты деятелей Белого движения не совпадут с каноническими — именно в свободе языка и оценок притягательность его текста, имеющего незамысловатую драматургию дневника.

Продвигаясь по тексту воспоминаний, я спрашивал себя: кто он, Федор Челноков? Мог бы я найти с ним общий язык, были бы у нас какие-то общие взгляды, смог бы я с ним по-дружески поболтать? Или меня бы отрезала от него подчеркнутая отстраненность, ироничность, местами язвительность

Михаил Челноков с женой Елизаветой и сыном Васей в дверях своего дома в Белграде, 1922 г.

Федора Васильевича, то самое пушкинское, из эпиграфа к Онегину «внутренне высокомерие», о котором поэт добавляет: «быть может, необоснованное» ("sentiment de supériorité, peut-être imaginaire"). Вопрос у меня возникал, поскольку, как всякий читатель, я хотел бы знать, полагаться ли мне на то, что он мне рассказывает, в какой мере я могу принять его видение, его картину мира? Ведь читая, мы в какой-то мере соглашаемся с автором, а в какой-то мере спорим, вступаем с ним в диалог.

Вот о чем я думал, когда, уже неоднократно прочтя текст, получил фотографию Федора Васильевича периода эмиграции, когда он писал свои воспоминания в Берлине. Ее мне прислала Наташа Бахрушина в ответ на просьбу найти хоть какие-нибудь свидетельства жизни Челнокова в эмиграции. Она неожиданно нашлась в доме матери Наташи, в Антибе. Эта фотография человека с бородкой, спокойно смотрящего прямо в объектив, вполне совпадала с моим представлением об авторе текста. Рядом с ним его брат Михаил, тот самый последний московский городской голова, о котором Столыпин сказал, что из всех людей он хотел бы иметь дело только с ним, поскольку он — «человек дела». Вот этот ровный, спокойный, созерцательный взгляд и сопровождает нас в воспоминаниях Федора Васильевича, поразительно переключаясь с фотографиями его брата, Сергея, которые и привели нас к предложенным здесь воспоминаниям.

Текст Федора Челнокова изначально представлял собой рукопись, состоявшую из 16 пронумерованных тетрадей. Тетради не были разбиты на главы в соответствии с предметами, о которых идет речь: это были воспоминания в той изначальной форме, в которой они записывались Федором. Текст не был как-либо правлен самим автором, и новые воспоминания, к которым он возвращался, писались в продолжение уже написанного, а не вставлялись в соответствующее место в более раннем тексте, где о предмете шла речь.

Оригинальный текст рукописи распадается на две различных по содержанию и манере письма части. Первая описывает эмиграцию из России и скитание по Балканам с последующим возвращением в Крым, вторая содержит воспоминания о московской жизни. Дневник эмиграции, публикуемый в настоящем издании и названный нами «Исход», описывает путь русской делегации, возглавляемой Михаилом Челноковым и представляющей Белое движение. Часть дневника, описывающая повторное бегство из России, судя по обнаруженному письму дочери, Лидии Челноковой, была утрачена еще в Сербии.

Первая тетрадь

Ялта — Одесса

Друзья мои, милые и дорогие, друзья, нет дня и часа, чтобы я не думал о вас и чтобы сердце мое не болело о вас¹. Слава Богу, слухи доходят до нас, что Крым освобожден и думается, что живете вы опять в сносных условиях, если только недостаток питания не дает себя чувствовать. Тем больней думать мне о вас, что живем мы здесь с Михаилом Васильевичем² и В. Н. Смольяниновым в весьма хороших условиях. Правда, что великое по неожиданности бедствие, заставившее нас бежать из Одессы, было потрясающе, а для меня невыносимо, ввиду насильственной разлуки с вами, но теперь эти переживания отошли довольно далеко назад. Факт остался фактом, и приходится терпеть и ждать того счастливого момента, когда можно будет нам опять соединиться.

[Я выехал из Ялты в среду, 13 марта³ 1919 года, на пароходе «Константин». Еще в Ялте, сидя на палубе, мне почему-то думалось, что эта поездка, рассчитанная всего на дней восемь – десять, принесет что-то неприятное. Одно то, что пришлось ехать 13-го числа, да еще в среду, поддерживало это предчувствие, но в то же время, желая себя успокоить, я задавал себе вопросы:

¹ Дореволюционная орфография и синтаксис приведены в соответствие с современными нормами для удобства чтения, однако речевые обороты автора сохранены. (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

² Челноков Михаил Васильевич московский городской глава (1914–1917), один из лидеров партии кадетов, комиссар Временного комитета Государственной Думы по управлению Москвой (1917).

³ Здесь и далее — по старому стилю, если не указано иное.

что же может случиться? Правда, в городе поговаривали о скором приходе большевиков, но к этим разговорам все уж привыкли и настоящей цены им не давали.

Мои предчувствия еще поддерживались странным сном, который я видел за несколько дней до отъезда. Сон был странен и потому, что вообще я снов почти никогда не вижу. Сон заключался в том, что какой-то большевик меня ударил, тогда я размахнулся палкой и сильнеешим образом хватил его вдоль головы. Тогда большевик, обратясь ко мне своей скверной рожой, говорит: «Ну, помни апрель месяц». И действительно, наступавший апрель принес мне самые тяжелые переживания. Еще почему мне неприятно было выезжать 13 марта, было то, что год назад в этот самый день мы со Швецовым выехали в Симферополь в надежде проехать в Москву, но, кроме неприятностей и простуды, из этой поездки ничего не вышло. Однако мои плохие финансы все-таки заставили меня уехать в Одессу, где незадолго перед тем Франше д'Эспере¹, командовавший там всеми французскими силами, высказался, что честь Франции требует, чтобы Одесса и ВЕСЬ юг России были ограждены от нашествия большевиков. Кто же в то время мог полагать, что честь Франции подобна флюгеру, а слова их верховного командования ложь?

15-го марта я благополучно прибыл в Одессу и вместо того, чтобы 22 марта возвращаться на «Константине» в Ялту, мы с Михаилом Васильевичем 23-го числа попали на «Грегор».] Я уже имел билет и койку на пароходе, чтобы ехать к вам. С великой трудностью взобрался на пароход, причем из кармана у меня украли 6000 руб., но оказалось, что машина развернута, а рабочие разошлись по домам. Пришлось вернуться домой, а по дороге узнаю, что наши «надежные и верные» союзники, несмотря на все их высокопарные слова, решили бросить город на произвол судьбы, а жителей предать наступающим врагам, которых всего-то было 3500 человек, а союзников 90 000².

«Великая победоносная армия»³ решила сделать свое второе отступление из России. В первый раз в 1812 году легла вся победоносная армия,

¹ Д'Эспере Луи-Феликс-Мари-Франсуа Франше (1856–1942) — военный и государственный деятель Франции.

² Речь идет о «Крымской эвакуации» — массовом бегстве населения, Добровольческой армии и войск стран Антанты весной 1919 года, после того как Украинская советская армия пробилась на территорию Крыма и возникла угроза повторного Красного террора, охватившего полуостров зимой 1917–1918 гг. Одновременно уничтожались корабли бывшего Императорского флота, артиллерия и прочее военное оборудование, чтобы лишить большевиков возможности ими завладеть.

³ Имеется в виду армия Франции.

а теперь были брошены в море аэропланы, автомобили, танки и множество всякого добра, оцениваемого в десятки миллионов. «Непобедимые воины» валялись по улицам в пьяном естестве и палили в небеса, вероятно, по ангелам, так как, надо думать, уже не находили на земле существ, достойных сражаться с ними.

В городе все и вся забегали, как в развороченном муравейнике, все думали о своем спасении, но все это случилось так неожиданно, что никто толком ничего сообразить не мог, и мы с Михаилом Васильевичем оставались хотя и взволнованы внутренне, но никуда не метались и ничего не предпринимали, решив не двигаться с места. Однако нашлись люди, подумавшие о нас. В 11 часов вчера мы получили категорический приказ от наших друзей быть в шесть часов утра на пристани, где нас заберет баркас и доставит на пароход, заарендованный Швецовым и другими. Пароход должен был забрать до 200 лиц и доставить в Константинополь. К этому мы совершенно не были готовы.

Михаил Васильевич принялся заканчивать свои многочисленные дела, рвать бумаги, подводить итоги и, наконец, укладывать вещи. Я-то был налегке и в первом часу ночи улегся, чтобы встать в пять, а Михаил Васильевич провозился почти всю ночь, во время которой там и тут были слышны выстрелы. К шести утра, в виде исключительного благополучия, нам удалось найти двухколесную тележку, взвалили на нее багаж и отправились на пристань; если бы не эта тележка — мы не могли бы двинуться с места, так как не смогли бы дотащить даже части багажа до пристани, которая отстоит далеко.

Одесса — Константинополь

С этого начинаются наши злоключения, не принесшие нам, слава Богу, никакого зла. На баркасе под дождем мы мокли часа два, наконец добрались до громадного парохода «Грегор», но на нем не оказалось винта, руля, канатов, пищи, воды и еще разных других необходимых принадлежностей для плавания. У нас с Михаилом Васильевичем оказалось семь бутылок коньяку, которые нас и прокормили. Мы нашли тех, у кого были съедобные вещи, а потому нас угощали охотно.

Взобравшись на пароход, мы узнали, что с нами должно было выехать 2000 французских солдат; французы за это взялись буксировать наш пароход до Константинополя, за вывод же парохода из Одессы эти господа взяли 200 000 руб. Начались томительные ожидания прихода буксира и французов, но все напрасно. К вечеру узналось, что французы в последний момент отказались от условий, оставив у себя деньги. Положение наше было ужасно, пароход двигаться не мог, есть и пить нечего; так как якоря у нас не было, то мы были привязаны к другому пароходу «Юпитер», команда его была вся большевистская, и каждую минуту можно было ждать, что она явится к нам и устроит что-нибудь безобразное; с берега запоздалые пассажиры привозили известие о начавшихся грабежах и безобразиях, один из наших спутников вернулся с простреленной рукою. Причем за лодку ему пришлось заплатить 1500 руб. Говорили, что какого-то офицера голышом замотали в колючую проволоку и таскали по городу; к нам на пароход доставили даму, у которой только что ограбили все жилище, а ее саму выгнали на улицу.

Словом, на берег возврата нет, а на пароходе такие перспективы, что не дай бог. Наступила дождливая, сырая ночь, мы потягивали коньячок, а у кого что было подкармливали нас. Особенно милы были Ирина Владимировна и Николай Алексеевич Швецовы. Нужно, однако, было где-нибудь успокоиться. Наше помещение с Михаилом Васильевичем кто-то захватил, пришлось делать скандал почти до драки, хотя и дрались за ложе, больше похожее на гроб, чем на что-либо другое. Ночь прошла в этом ужасном ложе.

Встав, услышали пальбу из пушек и пулеметов. Кругом нас стоят громады французских, греческих, английских броненосцев, а мы всё так же беспомощны. В городе набережная видна в бинокль, залитая народом. Что там творится? Говорят, идет грабеж лучшей части города, пушки палят, трещат пулеметы. Ирина Владимировна поит нас чаем, мы разливаем коньячок, кто-то отпускает нам колбасы, а едем ли или не едем — нет ответа. Вот уж 12 часов. Час, два, три — все та же неизвестность. Говорят, надо перебираться для чего-то на «Юпитер». А зачем? Почему там лучше? Никто не знает, а все тащат куда-то свои багажи. Сумятица, озабоченные лица. Хозяева, т. е. Швецов и компания, что-то шепчутся между собой. Жуть на душе, а саквояжи тащу.

Вдруг слух — не надо на «Юпитер», будем пересаживаться на другой какой-то пароход. Но время идет, оказывается вранье, никакого парохода нет. Опять жуть — опять вопрос — что же с нами будет? Уж вечереет, а просвета нет. Опять ночевать в «гробу» — а там что? И вдруг, как из-под воды, у самой кормы появляется какой-то пароход, совершенно черный, мрачный, а рупор кричит: «По приказу английского адмирала все пассажиры «Грегора» принимаются на борт «Капуртала», для доставки в Константинополь». «Ура!» — грянуло из освобожденных грудей. Ура! — в честь спасителей англичан. Все, как один, закопошились, ожили, бросились к своим вещам и мигом-мигом весь багаж и 250 человек оказались под английским флагом, т. е. неприкосновенны и обеспечены всем необходимым.

Прибыл адмирал, кто-то обратился к нему с горячей благодарностью, он выслушал, закусив нижнюю губу (видно, это его обычное состояние), и сквозь сжатые зубы процедил: «Рад, что это вас устраивает» — и уехал. Оказалось, что один моряк, наш спутник, довел до сведения англичан, что «Грегор» находится в состоянии аварии. По морским законам ближайший корабль должен немедля подать помощь, и помощь была дана. С этого момента мы попали под покровительство англичан — великое счастье в наше несчастное время! Это счастье мы оценили на другой день, когда узнали, что команда «Юпитера» собиралась ночью открыть кингстоны и утопить нас вместе с пароходом. Как только мы оказались на «Капуртале», случилось нечто, давно

Содержание

Дмитрий Новинов. Рукопись Федора Челнокова.....	5
---	---

Первая тетрадь

Ялта — Одесса	17
Одесса — Константинополь	20
Константинополь — Салоники	23
Французский лагерь	28
Салоники — Белград	60
В Белграде	80
Новый Сад	125

Вторая тетрадь

Сараево	145
Мостар	153
Дубровник	160
Герцог-Нова	169
Катарро	173
Цетинье	177
Снова в Белграде	183
Снова Белград	191
Ниш	202
Пирот	205
София	208
Стамбул	215
Пароход в Ялту	219

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Персона. Династии

ЧЕЛНОКОВ Федор

ЭМИГРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ: ИСХОД

Заведующий редакцией *О. Ро*
Ответственный редактор *И. Музыка*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *П. Шевнина, Л. Асанова*
Компьютерная верстка *А. Кожевникова*

Подписано в печать 11.03.2025 / Баспаға қол қойылды 11.03.2025.
Формат 72×100^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Agora Sans Pro».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,62.
Тираж 2000 экз. О-PAD-36931-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

